

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ

канд. юрид. наук Б.В. АСАЕНОК
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

Представлен оригинальный авторский взгляд на понятие прав человека, рассматриваются основания их ограничения. Высказаны предложения по изменению так называемого «неотъемлемого ядра» прав человека.

Последние годы всколыхнули весь мир чередой беспрецедентных терактов, возродив, по мнению некоторых политиков и ученых, уже забытое противостояние западной и восточной культур. Массовые беспорядки во Франции показали не только наличие социальных проблем, но и ту политическую силу в полиэтническом обществе, которая может поднять на щит социально-экономические противоречия в целях хорошо организованного меньшинства.

Пресекая негативные последствия, общество все более и более задумывается о причинах имеющих в последнее время явлений. Без сомнения, социально-экономическая детерминанта играет определенную роль в том, что расовые, этнические и религиозные меньшинства повсеместно в странах Западной Европы и Северной Америки выступили в защиту своих прав и свобод.

Но что сделало возможным выбор насильственных средств защиты? Каковы гарантии того, что подобные явления не повторятся более и не распространятся территориально?

Представляется, что ответом на первый вопрос станет чрезвычайно широкое (возможно, даже гипертрофированное) толкование терминов «демократия» и «права человека», «права меньшинств» в странах Западной Европы (в особенности состоящих в Совете Европы), позволяющее асоциальным элементам общества злонамеренно использовать свои права и выдавать свои интересы исключительно за законные и правомерные. Ответом же на второй вопрос, возможно, будет пересмотр устоявшихся взглядов на права человека, основания и пределы их ограничения в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Прежде чем обратиться к обозначенным проблемам, необходимо определиться с дефинициями. Термин «права человека», столь часто встречающийся в международно-правовых актах, к сожалению, так до сих пор и не получил толкования ни в документах, принятых в рамках ООН, ни в рамках региональных документов. По сути, он отдан «на откуп» национальным законодательствам, что, однако, не упростило, а даже усложнило проблему. Сущность ее в том, что универсальная по своему содержанию система прав человека не имеет системообразующего, базового начала. И государства вправе определять его согласно своим политическим взглядам. Ситуация усложняется еще и тем, что, преломляясь в отраслях национального права страны, права человека приобретают новое звучание, более узкое, чем дается в международно-правовых актах. Это вполне закономерно, поскольку отраслевое законодательство конкретизирует те либо иные права человека относительно различных сфер жизнедеятельности общества (как-то: уголовно-процессуальная, административная и др.). Однако без стержневого элемента, общего методологического подхода, основу которого могло бы составить международно-правовое определение прав человека, содержательный элемент указанного понятия видоизменяется, теряя свою универсальность.

Относительно Республики Беларусь в настоящее время также можно говорить о наличии лишь научных дефиниций прав человека. Наше законодательство знает только термин, не раскрывая его содержание. Единое же понятие даже на национальном уровне позволило бы выработать единый подход к правам человека в различных отраслях. Сегодня мы можем говорить лишь о правах субъекта, участника тех либо иных правоотношений, например гражданско-процессуальных, трудовых и т.п. Участник же определенного рода правоотношений пользуется лишь специальными нормами отраслевого законодательства. При наличии пробелов в последнем обращении к конституции и международно-правовым актам в качестве документов, содержащих непосредственно действующие нормы, затруднительно; то есть получается, что права человека, не содержащиеся в отраслевом законодательстве, фактически не действуют. Лицо получает лишь объем прав участника правоотношений, но не права человека в сфере тех либо иных правоотношений, что, несомненно, является сужением его правового статуса.

Преимущества предлагаемого базового международно-правового или конституционного определения прав человека дает возможность человеку пользоваться всей совокупностью его основных прав и свобод, закрепленных в международных актах, конституции и национальном законодательстве. В силу

этого и права участника правоотношений приобретают вид прав человека в сфере тех либо иных правоотношений, что позволяет дать им более расширенную трактовку и обеспечить более эффективную их защиту.

Теперь же непосредственно к предлагаемому определению. Перед изложением собственного мнения позволю небольшую ремарку. Представляется уместным напомнить, что право человека лишь тогда является реальным (а не декларируемым) правом, когда оно, во-первых, закрепляется в том либо ином правовом акте, имеющем общеобязательный характер, и, во-вторых, когда оно обеспечено определенными гарантиями его реализации. Такими гарантиями являются в первую очередь обязанности иных субъектов правоотношений по осуществлению действий, направленных на выполнение данного права. Так, если у обвиняемого в уголовном процессе есть право ознакомиться с материалами уголовного дела, то у лица, ведущего уголовное преследование, есть корреспондирующая данному праву обязанность предоставить материалы для ознакомления. Это атрибутивная характеристика предлагаемого определения.

Итак, **права человека** есть установленная в праве (международном или национальном) возможность человека действовать или бездействовать в своих интересах при наличии обязанности иных лиц способствовать в осуществлении такого деяния.

Такое определение заставляет критически отнестись к заголовку настоящего исследования. Действительно, можно ли ограничить какое-либо право как потенциальную возможность человека что-либо делать или не делать? Можно ли ограничить то, что еще не объективизировалось? И можем ли мы предположить, что человек что-либо не сможет совершить в будущем?

Так, например, безнадежно больной человек сегодня является инвалидом, а вскоре будет излечен и сможет реализовать свои права на образование, на труд и др. Видимо, нет, нельзя говорить о приемлемости такой формулировки – «ограничение прав человека» за исключением всех случаев, кроме одного. Это – право на жизнь. Оно либо есть и создает основу для реализации все остальных прав и свобод человека, либо его нет и, соответственно, отсутствуют все иные права и свободы.

Однако, представляется, что термин «ограничение реализации прав человека» включает в себя все изложенные варианты, в силу чего может быть признан более корректным и адекватным.

Вопрос ограничений в сфере прав и свобод человека выглядит достаточно простым и достаточно сложным одновременно: простым, поскольку основания и пределы ограничения реализации прав человека изложены в нормах международного и национального права; сложным – в силу разноразличности применения этих норм.

Всеобщая декларация прав человека в части 2 статьи 29 называет следующие основания ограничения реализации прав человека:

- обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других людей;
- удовлетворение справедливых требований морали;
- общественное и общее благосостояние в демократическом обществе.

Как видим, защита прав и свобод иных лиц при реализации прав индивида является одним из первоочередных оснований ограничения. Это вполне логично и закономерно, если учесть, что человек – высшая ценность любого общества и государства. Юридическое равенство людей при реализации их прав – один из краеугольных камней любого демократического общества. Иные же из указанных оснований по сути своей предполагают различные трактовки.

Так, справедливые требования морали в исламских государствах предполагают побитие камнями жены за неверность. Требования же социалистической морали оправдывали доносительство в отношении близких родственников. Можно привести еще множество примеров культурного релятивизма в сфере прав и свобод человека. В силу имеющей место разницы в морали и религии в различных государствах правомерными можно признать откровенно преступные ограничения реализации прав человека и считать их особенностями национального правоприменения.

Несколько более четким основанием является «общее и общественное благосостояние», но в силу лишь упоминания о том, что оно должно иметь место в *демократическом обществе*. То есть права общности превалируют над правами индивида только с учетом правомерных интересов последнего и гарантированности соблюдения его прав. Это основание представляется очень важным, поскольку позволяет избежать абсолютизации индивидуализма прав человека и дает правовую основу для воздействия общества в отношении лиц, попирающих общепризнанные нормы.

Ограничение реализации прав человека в общих интересах предусматривается и Международным пактом о гражданских и политических правах. Здесь в статье 19 были указаны следующие основания ограничений в осуществлении свободы слова: уважение прав и репутации других лиц, охрана государственной безопасности, охрана общественного порядка, охрана здоровья и нравственности населения. Что немаловажно, Пакт предусматривает и общие неперемные условия ограничений:

- установление этих ограничений только законом;

- необходимость (т.е. отсутствие иных средств защиты общественного и индивидуального блага);
- отсутствие дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального положения;
- чрезвычайное положение, при котором жизнь нации находится под угрозой;
- совместимость ограничений с иными международными обязательствами государства.

С учетом оснований и условий Пакт называет те права, отступление от реализации которых со стороны государств-участников не допускается. Это так называемое в научной литературе «неотъемлемое ядро» прав. В него входят следующие личные (гражданские) права:

- право на жизнь (ст. 6);
- свобода от пыток, бесчеловечного, жестокого или унижающего достоинство обращения и наказания (ст. 7);
- свобода от рабства и подневольного состояния (ч. 1 и ч. 2 ст. 8);
- недопустимость лишения свободы за неисполнение договорного обязательства (ст. 11);
- свобода от негативных последствий ретроспективного действия уголовного закона (ст. 15);
- право на признание правосубъектности человека (ст. 16);
- свобода мысли, совести и религии (ст. 18).

В отношении последней свободы делается оговорка, что свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

Определенные ограничения предусматриваются в международном праве относительно права на жизнь. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах и региональные документы предусматривают такие основания лишения человека жизни, как смертная казнь в исключительных случаях, правомерное лишение жизни комбатанта в ходе вооруженного конфликта, лишение жизни при защите от посягательства на жизнь и здоровье. Получается, что не все права, предусмотренные в этих документах, в действительности являются «неотъемлемыми».

Может ли подвергаться сомнению обязанность государства не подвергать человека пыткам, жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и наказанию? По сути – нет. Подобное обращение не может быть обусловлено никакими обстоятельствами. Сложно также представить государство, которое бы одобряло институт рабства на своей территории или как-то обосновывало необходимость существования подневольного состояния (естественно, исключая правомерное лишение свободы). Очевидна также недопустимость применения мер административно- и уголовно-правового характера в сфере гражданско-правовых отношений, о чем говорит статья 11 Международного пакта о гражданских и политических правах. Кроме того, все эти деяния напрямую запрещены международным правом: Конвенция против пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, Конвенция о рабстве и др.

Таким образом, в самом «неотъемлемом ядре» прав следует выделить две группы прав: абсолютно и условно неотъемлемые. Первая категория – это те права, которые действительно ни при каких условиях не должны ограничиваться в реализации. Вторая – те, ограничение осуществления которых возможно при строго регламентированных основаниях и условиях, прямо указанных в международно-правовых актах.

Вместе с тем необходимо констатировать наличие и третьей категории неотъемлемых прав, которые, однако, напрямую таковыми не называются. Это права в сфере осуществления правосудия. К ним можно отнести: право на судебное разбирательство, право на презумпцию невиновности, право на проверку законности задержания и ареста, право на равенство перед судом, право на защиту, право на восстановление своих прав и некоторые другие. Они не называются неотъемлемыми, хотя сложно представить, что ограничение их реализации даже в минимальном объеме не нарушит права человека. И тем более нарушение любого из них причинит непоправимый ущерб самому правосудию. Почему же международные документы проигнорировали особый статус этой категории норм? Видится два вероятных ответа:

- 1) потому что эта категория прав относится к специфической сфере – уголовно-процессуальным отношениям – и являет собой конкретизацию основных прав человека, напрямую к ним не относясь;
- 2) потому что эта категория прав не является правами человека в чистом виде, а представляет собой более весомые правовые гарантии.

Теперь же снова обратимся к вопросам, поставленным в начале исследования. Учитывая изложенные основания и пределы ограничения реализации прав человека, каков должен быть подход к правам меньшинств в современном обществе?

Статья 2 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает запрет дискриминации по признакам расы, цвета кожи, этнической и религиозной принадлежности, пола, социального положения. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод пошла дальше,

запретив дискриминацию «по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам» (ст. 14). Вместе с тем если меньшинства ставят под угрозу общественный порядок и общественную безопасность, то, конечно, ограничение прав меньшинств правомерно и необходимо (события во Франции). Однако если национальные и религиозные меньшинства пытаются своими действиями подорвать национальные традиции того либо иного государства, имеет ли титульная нация или титульная религия право на защиту?

Не является разжиганием национальной и религиозной розни констатация того факта, что арабские мигранты не хотят интегрироваться в европейское общество, воспринимать его традиции, признавать принятые в европейском обществе ценности. Чего стоит борьба за ношение в школах одежды, соответствующей нормам ислама, требование североамериканских мусульманских организаций запретить публичную демонстрацию рождественской елки как христианского символа, нарушающего равенство религий. Можно вспомнить и последние требования российских мусульман об исключении из государственной символики России христианских символов.

Европейское сообщество постепенно приходит к выводам о том, что эмигранты, несмотря на юридическое равенство с гражданами государства по рождению, вместе с дополнительными правами на защиту их национальной и религиозной принадлежности обладают и дополнительными обязанностями. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств определила, что региональные языки – это языки, которые *традиционно* используются на территории данного государства его жителями, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства, и отличаются от официального языка (языков) государства. Региональными языками не считаются диалекты государственных языков, а также языки мигрантов. Эти положения являются своего рода гарантией того, что вновь прибывающие мигранты, приобретая статус национальных и религиозных меньшинств, интегрируются в сообщество того либо иного государства, принимая именно его традиции.

Вопрос же религий меньшинств является еще более сложным, поскольку свобода совести представляет собой одно из наиболее неоспоримых прав индивида. Однако и здесь есть основания для правомерных ограничений: нарушение общественного порядка, общественной морали, прав других лиц. Думается, что моралью общества в том либо ином европейском государстве все же будут являться устоявшиеся веками нормы морали (прежде всего христианской). Но пока лишь очень немногие государства открыто выступили в защиту своих национальных историко-культурных и нравственных ценностей.

И в этом отношении достаточно интересным является пример Республики Беларусь. Так, согласно Закону «О национальных меньшинствах», граждане Республики Беларусь, относящие себя к национальным меньшинствам, должны соблюдать Конституцию Республики Беларусь и иные акты законодательства, *содействовать сохранению суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь, уважать традиции граждан всех национальностей, населяющих республику, их язык и культуру.*

Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» напрямую указывает традиционные конфессии нашего государства, располагая их в зависимости от значимости в историко-культурных процессах и количества верующих. Эта конкретизация представляется тем более важной, что позволяет поставить правовой заслон не только тоталитарным сектам, но и культурно чуждым для белорусского народа религиям. Вместе с тем указанный в законе «ценз оседлости» для религиозных общин позволяет им в течение двадцати лет стать на территории Беларуси традиционными и влиться в общее русло конфессиональной политики нашего государства.